

Г.Ф. Хилажева

**МИГРАЦИОННЫЙ ОБМЕН МЕЖДУ
РЕГИОНАМИ РАЗЛИЧНЫХ ТИПОВ
(на примере Республики Башкортостан
и Тюменской области)**

В статье рассматриваются масштабы и характер миграционных связей между российскими регионами разных типов и их последствия для социально-демографического потенциала территорий-доноров. Объектом исследования выступают Республика Башкортостан – субъект РФ с высоким уровнем оттока трудоспособного населения и Тюменская область – нефтегазовый регион, стабильно притягивающий трудоспособное население страны.

На основе статистических и социологических данных проведен анализ масштабов и структуры долгосрочной и краткосрочной миграции из Республики Башкортостан в Тюменскую область и другие российские регионы. Автономные округа Тюменской области выделяются среди других российских регионов, с которыми республика имеет тесные миграционные связи, значительными масштабами миграционного обмена с Башкортостаном, высоким уровнем оттока мигрантов из республики в связи с трудоустройством, преобладанием среди мигрантов из Башкортостана лиц с начальным профессиональным и средним специальным образованием. Сибирские округа имеют относительно низкие показатели коэффициента результативности миграционных связей с Башкортостаном, что во многом обусловлено возвратным характером миграционного обмена с республикой. Однако равные в количественном отношении потоки выбытий и прибытий между Башкортостаном и округами Тюменской области различаются в качественном отношении: республика отдает молодое, активное в брачном и репродуктивном отношении население и принимает более старшее, реализовавшее свои демографические пла-

ны. Сложившийся характер миграционного обмена ослабляет социально-демографический потенциал Башкортостана как региона-донора. При этом на социально-демографический потенциал республики оказывает воздействие и участие жителей в краткосрочной (вахтовой) миграции, последствиями которой становятся трансформация внутрисемейных отношений, ухудшение состояния здоровья участников миграции и т.д.

Сложившийся миграционный обмен между исследуемыми регионами показывает противоречивость и неоднозначность миграции как социального явления: решение проблем в сферах занятости и материального благосостояния сопровождается рисками и угрозами в сфере социально-демографического развития регионов-доноров.

Ключевые слова: регионы; межрегиональная миграция; факторы миграции; миграционный прирост; миграционная убыль; занятость; социально-демографический потенциал

Для цитирования: Хилажева Г.Ф. Миграционный обмен между регионами различных типов (на примере Республики Башкортостан и Тюменской области) // Регион: экономика и социология. – 2019. – № 2 (102). – С. 185–206. DOI: 10.15372/REG20190208.

Миграционный обмен между регионами является и следствием, и фактором их экономического, социального, демографического развития. Регионы со стабильным миграционным приростом благодаря этому усиливают свой потенциал, а перед теми, которые в результате миграции теряют свое население, встают проблемы его сохранения.

Согласно концепции «притяжения – выталкивания» Э. Ли миграционный обмен между разными территориями – реципиентами и донорами во многом обусловлен действием системы выталкивающих и притягивающих факторов, а также так называемыми «промежуточными» факторами, или препятствиями [1, с. 4–6; 5, с. 146–147]. Эта концепция получила развитие в работах как зарубежных, так и российских ученых. Ряд отечественных исследователей отмечают, что модель «притяжения – выталкивания», несмотря на то что дает возможность понимания действия факторов на определенных стадиях

миграционных процессов, носит все же ограниченный характер [4, с. 45]. Тем не менее, на наш взгляд, основные положения концепции Э. Ли позволяют выявлять и интерпретировать закономерности миграционных процессов, которые протекают в разных по уровню социально-экономического развития регионах. Так, среди экономических факторов решающую роль играют возможности в сфере занятости и ситуация на рынке труда. Не случайно использование фактора занятости всегда было важной составляющей реализации внутренней миграционной политики в советский период и оказывало «точное воздействие на миграционные процессы населения» [4].

Цель настоящей работы – выявление масштабов и характера миграционного обмена между регионами разных типов под воздействием системы выталкивающих и притягивающих факторов. Эта проблема будет рассмотрена на примере сложившихся миграционных связей Республики Башкортостан и Тюменской области на фоне анализа миграционного обмена республики с другими российскими территориями. Выбор Республики Башкортостан и Тюменской области для анализа данной проблемы обусловлен разным характером протекающих в них межрегиональных миграционных процессов. Башкортостан – это регион-донор, который в течение всего нынешнего столетия характеризовался стабильной миграционной убылью трудоспособного населения; Тюменская область – регион-реципиент, стягивающий мигрантов трудоспособного возраста со многих территорий страны как на длительную, так и на краткосрочную перспективу.

НАУЧНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ПО ПРОБЛЕМЕ МИГРАЦИОННЫХ СВЯЗЕЙ

В отечественной науке исследованию миграционных связей между российскими регионами посвящен большой корпус литературы. Для нас представляют интерес работы Л.Л. Рыбаковского, О.Л. Рыбаковского, С.В. Рязанцева, А.В. Топилина, Н.В. Мкртчяна и др., в которых дается подробный анализ миграционных процессов в субъектах РФ, в том числе в Республике Башкортостан и Тюменской области.

Проведена классификация российских регионов в зависимости от итоговой результативности межрегиональных миграционных связей (КРМС)¹. Регионы разделены на пять типов: первые два – это регионы-реципиенты федерального и локального уровней, остальные три – регионы-доноры с разной степенью миграционной убыли населения. Среди них два выступают одновременно и реципиентами, и донорами, т.е. это «принимающие-отдающие» регионы – одни близки территориально к регионам-реципиентам и имеют незначительную миграционную убыль населения, другие имеют относительно высокую интенсивность миграционной убыли, это умеренно теряющие свое население регионы. И наконец, последний тип – регионы федерального уровня с крайне высокой миграционной убылью населения. В этой классификации Тюменская область отнесена к первому типу, однако выделена в особый подтип как специфический нефтегазовый регион, привлекающий значительную долю долговременных трудовых мигрантов со всех депрессивных территорий страны, которые затем выезжают на постоянное место жительства в другие регионы [9, с. 207, 212]. Республика Башкортостан отнесена к четвертому типу регионов – «отдающим-принимающим», умеренно теряющим свое население [9, с. 225]. Республика достаточно обособлена в границах Приволжского федерального округа и имеет тесные связи с Тюменской областью в силу общей профессиональной специализации [9, с. 200–206].

Подробный анализ влияния миграции как фактора, определяющего демографический потенциал регионов, проведен С.В. Рязанцевым [13]. Рассматривая уровни миграционного и естественного прироста в субъектах РФ с конца прошлого до начала нынешнего столетия, исследователь подчеркивает, что Тюменская область с Ханты-Мансийским автономным округом относится к тем немногочисленным регионам, в которых численность населения увеличивается благодаря и миграционному, и естественному приросту (всего автор выделяет шесть таких регионов). Сибирские регионы автор характеризует как

¹ Коэффициент результативности миграционных связей (КРМС) представляет собой отношение числа выбывших в расчете на 1 тыс. прибывших на определенную территорию.

успешно развивающиеся в социально-экономическом отношении, с эффективной политикой и в сфере демографического развития, и в сфере занятости. Республику Башкортостан С.В. Рязанцев относит к относительно благополучным в миграционном отношении регионам, в которых миграция восполняет сокращение численности населения в результате естественной убыли (всего таких регионов десять). На наш взгляд, здесь речь идет больше о вкладе международной миграции, так как именно это направление миграции, в отличие от внутренней, давало республике положительный миграционный прирост.

Классификация российских регионов в зависимости от таких показателей, как уровень миграционной привлекательности и напряженность на рынке труда, проведена О.А. Парфенцевой и А.В. Топилиным [10; 11]. Тюменская область отнесена учеными к 25 миграционно привлекательным регионам с минимальной и пониженной напряженностью на рынке труда, Республика Башкортостан – к миграционно привлекательным регионам с повышенной и максимальной напряженностью на рынке труда (среди 17 аграрно-промышленных территорий РФ). При этом и Башкортостан, и Тюменская область входят, согласно классификации авторов, в одну категорию высокоразвитых и развитых в экономическом отношении регионов постоянного привлечения квалифицированных мигрантов [10, с. 165–166; 11, с. 325].

Особенности сложившейся миграционной ситуации в российских регионах, в том числе в Тюменской области и Республике Башкортостан, выявляются исследователями Института демографии НИУ ВШЭ [6; 7]. Они также подчеркивают, что в Тюменской области часть населения, отработав определенный период времени, возвращается на прежнее место жительства, и характеризуют миграционные процессы в области как циркуляционный тип трудовой миграции. Показатели межрегиональной миграции в Республике Башкортостан, рассчитанные исследователями, не имеют ярко выраженных крайних отрицательных или положительных значений и близки к общероссийским [7].

Таким образом, отечественными учеными при анализе миграционных связей и миграционной ситуации в российских регионах подчеркивается особое положение Тюменской области как региона-реци-

пиента, который привлекает значительное число мигрантов из других регионов страны. Республика Башкортостан рассматривается как субъект РФ, где миграционные процессы в целом отражают картину, сложившуюся в большинстве российских регионов.

МАСШТАБЫ И ИНТЕНСИВНОСТЬ МИГРАЦИОННОГО ОБМЕНА БАШКОРТОСТАНА С ОКРУГАМИ ТЮМЕНСКОЙ ОБЛАСТИ И ДРУГИМИ РОССИЙСКИМИ РЕГИОНАМИ

Как было отмечено выше, межрегиональный миграционный обмен Республики Башкортостан характеризуется значительной миграционной убылью населения. Коэффициент межрегионального миграционного прироста в республике в 2014–2016 гг. колебался от –16,5 до –20,5 на 10 тыс. чел.

Среди регионов, с которыми Башкортостан имеет наиболее тесные миграционные связи, значительно выделяется территория в Тюменской области – Ханты-Мансийский автономный округ. В 2014–2016 гг. среднегодовой объем валового миграционного обмена республики с ХМАО составил около 15 тыс. чел. с относительно небольшой миграционной убылью, а именно –349 чел. (рис. 1). Со вторым субъектом Тюменской области – Ямало-Ненецким АО миграционный оборот республики более чем вдвое меньше (в среднем около 6,3 тыс. чел. в год) с невысоким миграционным приростом (около 200 чел.).

Другими территориями России, с которыми Башкортостан имеет тесные миграционные связи, являются граничащие с республикой более развитые в экономическом отношении регионы Урало-Поволжья – Челябинская область и Республика Татарстан. Среднегодовой объем миграционного обмена с ними составил в 2014–2016 гг. свыше 10 тыс. и 6,8 тыс. чел. соответственно. Несколько меньше масштабы миграционного обмена республики с регионами «западного дрейфа» – Москвой, Московской областью, Санкт-Петербургом (в среднем 4–5 тыс. чел. ежегодно). При этом убыль в результате миграционного обмена с указанными регионами достаточно высока и превышает 1 тыс. чел. в среднем в год.

Миграционно привлекательным регионом общероссийского масштаба, куда направлены миграционные потоки из Башкортостана, яв-

Миграционный обмен между регионами различных типов
(на примере Республики Башкортостан и Тюменской области)

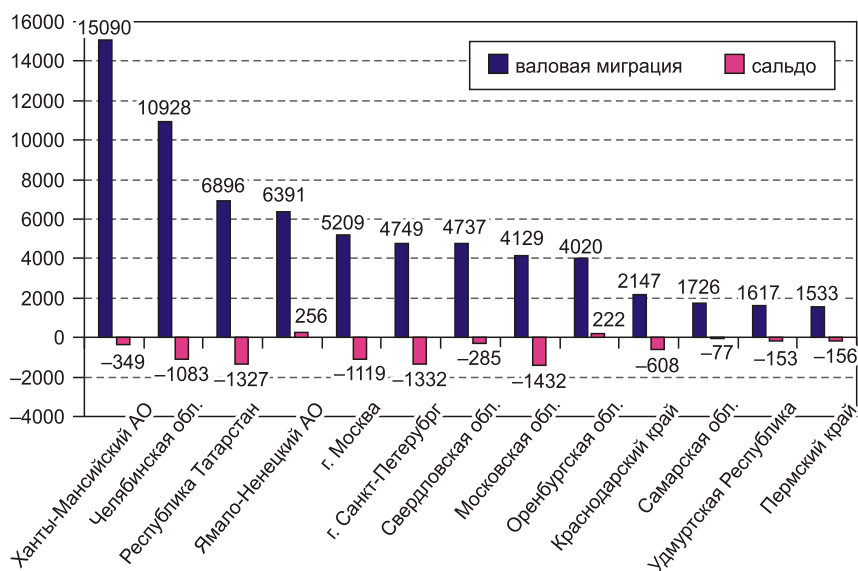

Рис. 1. Сальдо и объем валового миграционного обмена Республики Башкортостан с российскими регионами, в среднем в год за период 2014–2016 гг., чел. Рассчитано автором на основе данных Башкортостанстата (см.: *Миграция населения в Республике Башкортостан*: Стат. сб.: В 2 ч. Ч. 1. – Уфа, 2015. – С. 63–67; 2016. – С. 64–69; 2017. – С. 77–81)

ляется Краснодарский край. Несмотря на относительно небольшой объем миграционного обмена с этим регионом (более 2 тыс. чел. ежегодно за 2014–2016 гг.), за счет него в республике происходит определенная миграционная убыль (–608 чел.).

С регионами – соседями на территории Урало-Поволжья (Свердловская, Самарская, Оренбургская области, Пермский край, Удмуртская Республика) также установлены постоянные миграционные связи, однако объемы миграции не так велики (1,5–1,7 тыс. чел.).

Объемы валовой миграции между Республикой Башкортостан и другими субъектами РФ значительно меньше. Поэтому сравнительный анализ масштабов и интенсивности миграционного обмена республики с автономными округами Тюменской области мы будем

проводить на фоне данных по перечисленным выше 11 российским регионам.

Важным показателем, отражающим характер миграционного обмена между регионами, является коэффициент результативности миграционных связей. По сути, он показывает, насколько потоки прибывающих в регион мигрантов восполняют миграционные потери. Если значение КРМС менее 1000‰, то территория вселения приобретает население, если больше – теряет, если меньше 500‰, то миграционный обмен является результативным [12, с. 202]. Можно предположить, что чем выше значения КРМС, тем больше вероятность того, что миграционный обмен с данным регионом носит для рассматриваемых территорий безвозвратный характер.

Проведенные нами расчеты КРМС для Республики Башкортостан за 2011–2016 гг. показывают, что миграционный обмен республики с регионами, с которыми она находится в тесных миграционных связях, ведет к высоким потерям населения. Выделяются четыре региона-реципиента федерального уровня, в результате обмена с которыми КРМС Башкортостана превышает 2000‰ или близок к этому значению, т.е. можно сказать, что число выбывших в такие регионы почти вдвое больше числа прибывших из них в республику. Это Московская область (более 2400‰), Санкт-Петербург (2100‰), Москва (2000‰), Краснодарский край (1900‰). Далее по интенсивности миграционных потерь следуют локальные регионы-реципиенты, которые находятся на территории Урало-Поволжья и граничат с Башкортостаном или близко расположены: Республика Татарстан (1500‰), Свердловская, Самарская, Челябинская области, Удмуртская Республика, Пермский край (по 1200–1300‰). Относительно невелика интенсивность потерь Башкортостана в результате обмена с Ханты-Мансийским АО (от 1100‰). При обмене только с двумя регионами КРМС меньше 1000‰ – с Ямало-Ненецким АО и Оренбургской областью (800–900‰) (рис. 2).

Как видно, миграционный обмен с автономными округами в составе Тюменской области, несмотря на большие его объемы, не ведет к значительным миграционным потерям, как это происходит в резуль-

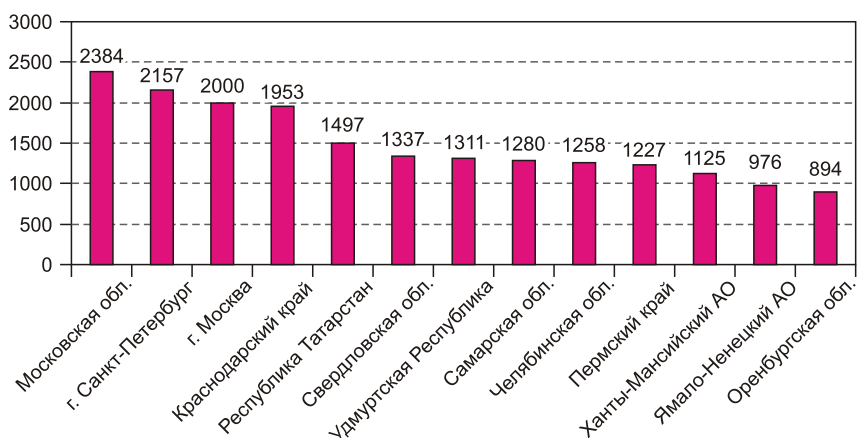

Рис. 2. Коэффициент результативности миграционных связей Республики Башкортостан с российскими регионами, общее значение за период 2011–2016 гг., выбытий на 1000 прибытий

Рассчитано автором на основе данных Башкортостанстата (см.: *Миграция населения в Республике Башкортостан*: Стат. сб.: В 2 ч. Ч. 1. – Уфа, 2013. – С. 58–62; 2015. – С. 63–67; 2017. – С. 77–81)

тате обмена с другими регионами России (Московской областью, Краснодарским краем, Санкт-Петербургом).

СТРУКТУРА МИГРАЦИОННЫХ ПОТОКОВ ИЗ РЕСПУБЛИКИ БАШКОРТОСТАН В ТЮМЕНСКУЮ ОБЛАСТЬ И ДРУГИЕ РОССИЙСКИЕ РЕГИОНЫ

На наш взгляд, структура миграционных потоков в определенной степени отражает влияние тех или иных факторов миграции. Статистические данные, которыми мы располагаем, позволяют рассмотреть структуру выбытий из Башкортостана в другие регионы страны по уровню образования мигрантов.

Анализ статистических данных за 2014–2016 гг. показывает, что существуют определенные различия в уровне образования мигрантов из Башкортостана в зависимости от того, в какие регионы они выезжают (табл. 1). Так, среди тех, кто выехал в автономные округа Тюмен-

Таблица 1

**Структура выбытий из Республики Башкортостан в другие регионы
по уровню образования за период 2014–2016 гг., %***

Регион	Уровень образования мигрантов					Всего
	Высшее и незаконченное высшее	Начальное и среднее профессиональное	Среднее общее и неполное среднее общее	Начальное общее и не имеют образования	Не указали уровень образования	
Ханты-Мансийский АО	32,8	41,7	19,3	0,6	5,6	100,0
Челябинская обл.	20,5	33,3	40,3	2,4	3,5	100,0
Республика Татарстан	30,0	26,8	38,1	2,2	2,9	100,0
Ямало-Ненецкий АО	38,9	41,2	13,8	0,8	5,3	100,0
Московская обл.	–44,6	23,1	14,9	0,8	16,6	100,0
г. Санкт-Петербург	44,7	17,7	33,6	0,3	3,7	100,0
г. Москва**	14,2	5,1	16,1	0,2	64,4	100,0
Свердловская обл.	27,3	32,8	35,8	1,6	2,4	100,0
Оренбургская обл.	26,0	28,9	35,1	2,2	7,8	100,0
Краснодарский край	41,7	32,1	18,1	1,9	6,2	100,0
Самарская обл.	29,9	24,4	27,1	2,6	16	100,0
Пермский край	17,3	29,3	46,9	2,8	3,7	100,0
Удмуртская Республика	23,1	20,1	54,0	1,9	0,9	100,0

* Рассчитано автором на основе данных Башкортостанстата (см.: *Миграция населения в Республике Башкортостан*: Стат. сб.: В 2 ч. Ч. 2. – Уфа, 2015. – С. 52–59; 2017. – С. 31–67).

** В связи со значительной долей лиц, не указавших уровень образования, нет возможности проследить образовательную структуру мигрантов, выезжающих в Москву.

ской области, преобладали лица с начальным профессиональным и средним профессиональным образованием (более 40%), меньше были представлены лица с высшим и незаконченным высшим (32–39%) и незначительно – со средним образованием (13–19%).

Структура выбытий в округа Тюменской области по уровню образования отражает сложившуюся в округах специфику рынка труда, указывает на сферы занятости, в которых наиболее востребованными являются профессии рабочих, т.е. те, где могут работать лица с начальным и средним профессиональным образованием.

В Краснодарском крае, Московской области и Санкт-Петербурге большую долю среди мигрантов (41–45%) составили лица с высшим и незаконченным высшим образованием. Указанные регионы привлекательны для высококвалифицированных специалистов в плане профессиональной самореализации.

Регионы Урало-Поволжья привлекательны для участников образовательной миграции. Здесь, а также в Санкт-Петербурге высока доля мигрантов с неполным и общим средним образованием (35–54%).

Распределение мигрантов по уровню образования перекликается с данными о структуре миграционного прироста / миграционной убыли населения Башкортостана по различным причинам.

Среднегодовая миграционная убыль в Башкортостане в результате межрегионального обмена за 2014–2016 гг. составила около –6,6 тыс. чел. (табл. 2). Значительный вклад в ее формирование внесли выбытия в связи со следующими причинами (обстоятельствами, вызвавшими необходимость смены места жительства): причины личного, семейного характера, к которым относятся вступление в брак, переезд к детям, родителям и т.д. (15,8 тыс. выбывших, миграционная убыль составила –3,2 тыс. чел.), работа (8,4 тыс. выбывших, убыль составила –3,5 тыс. чел.) и получение образования (6,5 тыс. выбывших, убыль составила –2,2 тыс. чел.). Определенный положительный вклад в миграционный прирост населения республики внесли причины «возвращение к прежнему месту жительства» (3,2 тыс. прибывших, прирост – 1,8 тыс. чел.) и «приобретение жилья» (1,8 тыс. прибывших, прирост – 0,16 тыс. чел.).

Миграционный прирост и миграционная убыль в зависимости от причин миграции в случае разных регионов имеют свою специфику. Так, в 2014–2016 гг. в результате миграционного обмена республики с Ханты-Мансийским АО максимально высокая убыль была связана с причиной «работа» (–1,4 тыс. чел.). Выезд по данной причине в дру-

Таблица 2

**Межрегиональный миграционный обмен Республики Башкортостан
по причинам смены места жительства, в среднем в год за период
2014–2016 гг., чел.***

Показатель	Всего	В связи с работой	В связи с учебой	Возвращение к прежнему месту житель- ства	Причины лич- ного, семейно- го характера	Приобретение жилая
Прибывшие	34153	4833	4341	3226	12592	1844
Выбывшие	40834	8388	6510	1378	15819	1675
Миграционный прирост/убыль	–6681	–3555	–2169	1848	–3227	169

* Рассчитано автором на основе данных Башкортостанстата (см.: *Миграция населения Республики Башкортостан*: Стат. сб.: В 2 ч. Ч. 1. – Уфа, 2015. – С. 18; 2016. – С. 18; 2017. – С. 18).

гие регионы РФ привел к меньшим миграционным потерям. Незначительным миграционным приростом в связи с трудоустройством сопровождался обмен с Краснодарским краем и Оренбургской областью (табл. 3).

Образовательная миграция в российские регионы также ведет к существенной убыли населения. В 2014–2016 гг. ее высокие значения сложились по итогам миграционного обмена с Санкт-Петербургом и Челябинской областью (от –500 до –600 чел. в среднем за год). Среди рассматриваемых российских регионов исключением являются Ханты-Мансийский АО и Ямало-Ненецкий АО, а также отмеченные выше Оренбургская область и Краснодарский край, обмен с которыми по причине «получение образования» способствовал миграционному приросту населения республики (см. табл. 3).

Убыль населения Башкортостана обусловлена также миграционным обменом в связи с причинами личного, семейного характера. Некоторый прирост населения отмечался в результате обмена по этим причинам с Москвой и Ханты-Мансийским АО.

Таблица 3

Прирост/убыль населения по итогам миграционного обмена Республики Башкортостан с российскими регионами по причинам смены места жительства, в среднем в год за период 2014–2016 гг., чел.*

Регион	В связи с работой	В связи с учебой	Возвращение к прежнему месту жительства	Причины личного, семейного характера
Ханты-Мансийский АО	–1461	76	78	25
Челябинская обл.	–82	–573	48	–491
Республика Татарстан	–137	–322	668	–4
Ямало-Ненецкий АО	–387	68	57	–167
Московская обл.	–160	–46	28	–56
г. Санкт-Петербург	–292	–655	27	–46
г. Москва	–37	–274	231	225
Свердловская обл.	–143	–164	5	–36
Оренбургская обл.	11	119	49	–94
Краснодарский край	27	51	89	–343
Самарская обл.	–26	–19	39	–532
Пермский край	–86	–479	162	–688
Удмуртская Республика	–31	–184	64	–641

* Рассчитано автором на основе данных Башкортостанстата (см.: *Миграция населения Республики Башкортостан*: Стат. сб.: В 2 ч. Ч. 1. – Уфа, 2015. – С. 18; 2016. – С. 17; 2017. – С. 18).

Положительный вклад в формирование сальдо миграции республики вносит причина «возвращение к прежнему месту жительства». Наиболее высоки соответствующие показатели в результате миграционного обмена с Республикой Татарстан (668 чел. в среднем за 2014–2016 гг.), затем – с Москвой (261 чел.) и Пермским краем (162 чел.). В два-три раза меньше прирост населения республики в результате обмена по данной причине с Ханты-Мансийским АО и Ямало-Ненецким АО (78 и 57 чел. соответственно).

Таким образом, обмен с двумя регионами Сибири способствует убыли населения республики в связи с трудоустройством и незначительному его приросту в связи с другими причинами, среди которых относительно больший вклад вносит причина «возвращение к прежнему месту жительства».

Сказанное перекликается с данными о миграционном приросте и миграционной убыли населения Тюменской области. Так, в 2012–2016 гг. миграционный прирост в области наблюдался в связи с причиной «работа» и убыль – в связи с причиной «возвращение к прежнему месту жительства» [8]. Согласно социологическому исследованию, проведенному в восьми городах Ханты-Мансийского АО, более 30% респондентов выбрали для проживания обследуемые города, так как удовлетворены работой и уровнем оплаты труда в них [14].

Занятость является причиной миграции из Республики Башкортостан в автономные округа Тюменской области в контексте не только долгосрочной, но и краткосрочной миграции. По данным обследования Росстата, в 2016 г. за пределами республики временно трудилось более 148 тыс. чел., из них в Тюменской области – более 100 тыс., значительно меньше – в других регионах страны: в Челябинской области – 9 тыс., в Москве – более 7 тыс., в Свердловской области – около 6 тыс., в Татарстане – чуть менее 4 тыс. чел. (рис. 3).

По данным социологического исследования, проведенного в Башкортостане в 2015 г.², среди респондентов, временно работающих за пределами своего населенного пункта, более половины (58%) выезжали в другие российские регионы. Из них каждый второй трудился в автономных округах Тюменской области. В своих ответах они указывали города Сургут, Новый Уренгой, Ноябрьск, Когалым, Лангепас, Нижневартовск, Усинск и др. Социологические данные показали, что значительное большинство временных трудовых мигрантов составили жители сел (65%), а также малых и средних городов (20%).

² Социологическое исследование «Стратегия социально-экономического развития Республики Башкортостан до 2030 года». Выполнено Институтом социально-политических и правовых исследований Республики Башкортостан в 2015 г. Объем выборки – 6264 чел.

Миграционный обмен между регионами различных типов
(на примере Республики Башкортостан и Тюменской области)

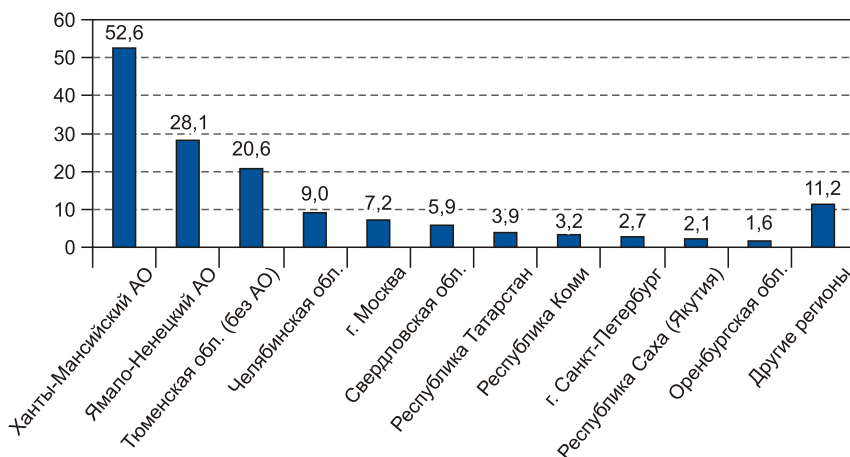

Рис. 3. Численность выезжающих на работу из Башкортостана в другие регионы России, 2016 г., тыс. чел.

Источник: Трудовая миграция жителей Республики Башкортостан в 2016 году / Башкортостанстат. Экспресс-информация № 07-1-13/8 от 03 апреля 2017 г.

Таким образом, анализ данных о структуре миграционных потоков из Республики Башкортостан показывает, что среди направлений трудовой миграции лидирует Тюменская область как регион, наиболее привлекательный для выходцев из Башкортостана в плане как долгосрочной, так и краткосрочной миграции. Жители Башкортостана готовы участвовать в разных формах занятости, которые предлагает рынок труда сибирских регионов. Основными факторами, выталкивающими их из республики в Тюменскую область, являются ограниченные возможности для реализации трудового потенциала, проблемы в сфере занятости, низкий уровень оплаты труда.

ПОСЛЕДСТВИЯ МЕЖРЕГИОНАЛЬНОГО МИГРАЦИОННОГО ОБМЕНА ДЛЯ РЕГИОНОВ-ДОНОРОВ

Последствия межрегиональной миграции для демографического развития Республики Башкортостан значительны и сегодня носят преимущественно негативный характер. Это обусловлено тем, что основ-

ными ее участниками являются лица трудоспособного возраста. Согласно данным о половозрастном составе выбывающих из республики в другие регионы России большую их долю составляют лица в возрасте от 15–19 до 30–34 лет, что является характерным для российской миграции в целом [6].

В результате переезда в другие регионы страны происходит миграционная убыль населения во всех возрастах до 50–54 лет, но наиболее интенсивно – в указанных выше (рис. 4). Расчет среднего значения коэффициента межрегионального миграционного прироста за 2014–2016 гг. показывает более высокую и интенсивную миграционную убыль женщин, что связано с их большей миграционной активностью. В течение 2014–2016 гг. среди 15–19-летних убыль женщин составила –9,7, а у мужчин она равнялась –8,3 на 1 тыс. чел. Среди лиц 20–24 лет интенсивность женской убыли вдвое больше мужской: –6,2 и –3,7 соответственно. То же соотношение наблюдается и у 25–29-летних жите-

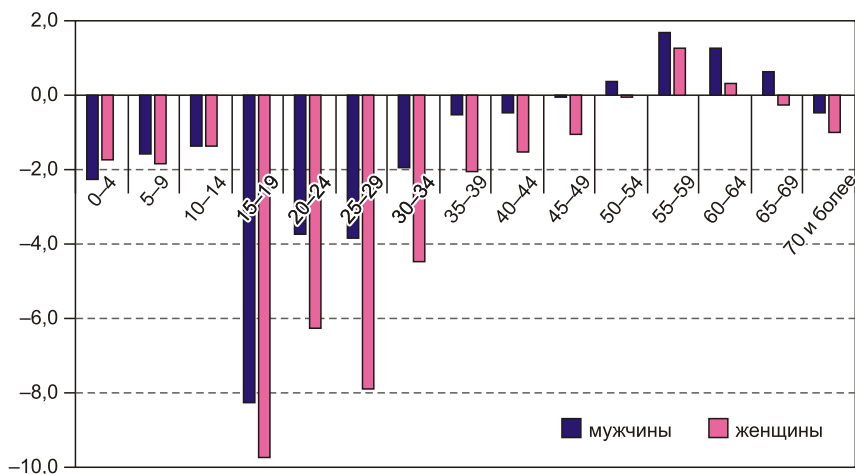

Рис. 4. Среднее значение коэффициента межрегионального миграционного прироста у мужчин и женщин Республики Башкортостан за период 2014–2016 гг., на 1000 чел.

Рассчитано О.Ф. Варгановой на основе данных Башкортостанстата (см.: *Миграция населения Республики Башкортостан: Стат. сб.: В 2 ч. Ч. 2.* – Уфа, 2015. – С. 12; 2016. – С. 12; 2017. – С. 12)

лей республики: убыль женщин равна $-7,9$, у мужчин она составляет $-3,8$. Сокращается в результате миграции и численность детей до 14 лет, что является следствием миграционного поведения их родителей. Уезжая в другие регионы России, молодые жители Башкортостана увозят с собой потенциал будущих браков и рождений.

Мы не располагаем статистическими данными, которые бы позволили рассмотреть возрастную структуру миграционных потоков из Башкортостана в разрезе отдельных российских регионов. Но учитывая, что миграционный прирост населения республики происходит в границах старших возрастных групп, можем предположить, что значительную долю составляют мигранты из автономных округов Тюменской области, которые возвращаются в Башкортостан на прежнее место жительства.

На социально-демографический потенциал Башкортостана, на наш взгляд, оказывает влияние и временная трудовая миграция в сибирские регионы. Выполнение тяжелой физической работы в регионах с суровым климатом отражается на состоянии здоровья вахтовых мигрантов. Соответственно, встают вопросы соблюдения их юридических прав, охраны труда и здоровья. Временная трудовая миграция также затрагивает состояние института семьи, влияет на выполнение семьей ее основных функций. Согласно концепции транслокальной миграции длительное отсутствие одного из супругов может привести к изменению супружеских, детско-родительских отношений, к появлению новых форм заботы и контроля в семье [2]. Перечисленные аспекты последствий временной трудовой миграции требуют отдельного внимания, проведения специальных исследований с применением новых методологических подходов, в том числе в рамках концепции транслокальности.

ВЫВОДЫ

Анализ данных о миграционном обмене между Республикой Башкортостан и автономными округами Тюменской области, представляющими собой регионы с разным уровнем и разным характером социально-экономического развития, показывает следующее.

Доминирующим фактором, выталкивающим население из республики и притягивающим его в сибирские регионы, является занятость. Это подтверждают данные о структуре миграционного прироста и миграционной убыли в результате миграции по различным причинам и косвенно – данные об уровне образования выезжающих из республики.

На фоне других российских регионов, с которыми Башкортостан имеет тесные миграционные связи, автономные округа Тюменской области лидируют по масштабам как долгосрочной, так и краткосрочной миграции. Однако это не ведет к высокой миграционной убыли населения республики, так как миграционный обмен с сибирскими регионами носит преимущественно возвратный характер. Несмотря на то что потоки выбытий и прибытий между Республикой Башкортостан и округами Тюменской области близки в количественном отношении, они не равноценны по качественному (социально-демографическому) составу. Башкортостан отдает в другие регионы России, в том числе в округа Тюменской области, молодые, активные в брачном и репродуктивном отношении ресурсы, а обратно в республику возвращаются лица старших возрастов, т.е. те, кто реализовал свой репродуктивный и трудовой потенциал. Такая ситуация является типичной для большинства российских регионов-доноров, теряющих свое трудоспособное население в результате миграции. Указанные последствия миграционного обмена с сибирскими регионами ослабляют социально-демографический потенциал республики, уровень ее конкурентоспособности.

Сложившиеся миграционные связи между Республикой Башкортостан с одной стороны и сибирскими регионами – с другой показывают противоречивость и неоднозначность миграции как социального явления в целом. Миграция молодежи, трудоспособного населения смягчает в регионах-донорах противоречия, связанные с безработицей, дефицитом рабочих мест, получением достойной заработной платы. В то же время встают проблемы сохранения социально-демографического потенциала этих регионов, расширения возможностей для их социального и экономического развития.

Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (проект 18-411-020028)

Список источников

1. Абылкаликов С.И., Винник М.В. Экономические теории миграции: рабочая сила и рынок труда // Бизнес. Общество. Власть. – 2012. – № 12. – С. 1–19.
2. Бредникова О. Транснационализм и транслокальность (комментарии к терминологии) // Миграция и национальное государство / Под ред. Т. Бараулиной, О. Карпенко. – СПб.: ЦНСИ, 2004. – С. 133–146.
3. Воробьева О.Д., Рыбаковский Л.Л., Рыбаковский О.Л. Миграционная политика России: история и современность. – М.: Экон-Информ, 2016. – 192 с.
4. Ивахнюк И.В. Развитие миграционной теории в условиях глобализации // Век глобализации. – 2015. – № 1. – С. 35–46.
5. Ионцев В.А. Международная миграция населения: теория и история изучения. – М.: Диалог-МГУ, 1999. – 370 с.
6. Карачурина Л.Б., Мкртчян Н.В. Межрегиональная миграция в России: возрастные особенности // Демографическое обозрение. – 2016. – № 3. – С. 47–65.
7. Карачурина Л.Б., Мкртчян Н.В., Абылкаликов С.И. Внутрিরоссийская миграция населения // Население России 2015: двадцать третий ежегодный демографический доклад / Отв. ред. С.В. Захаров. – М.: ИД ВШЭ, 2017. – С. 309–332.
8. Краснова Л.А., Кед А.П. Миграция населения в Тюменской области: причины и влияние на социально-демографический состав населения // Науковедение: интернет-журнал. – 2017. – Т. 9, № 4. – URL: <http://naukovedenie.ru/PDF/31EVN417.pdf> (дата обращения 01.08.2018).
9. Миграционные процессы в России / Под ред. В.В. Локосова, Л.Л. Рыбаковского. – М.: Экон-Информ, 2014. – Гл. 9.
10. Парфенцева О.А., Топилин А.В. Миграция и рынок труда // Миграция населения: теория, политика / Под ред. О.Д. Воробьевой, А.В. Топилина. – М.: Экономическое образование, 2012. – С. 113–203.
11. Парфенцева О.А., Топилин А.В. Прогнозирование миграции // Миграция населения: теория, политика / Под ред. О.Д. Воробьевой, А.В. Топилина. – М.: Экономическое образование, 2012. – С. 311–331.
12. Практическая демография / Под ред. Л.Л. Рыбаковского. – М.: ЦСП, 2005. – 280 с.
13. Рязанцев С.В. Региональные особенности миграционных процессов в России // Демографическое развитие России в XXI веке / Под ред. Г.В. Осипова, Л.Л. Рыбаковского. – М.: Экон-Информ, 2009. – 340 с.
14. Успенская Т.Г. Миграционное поведение населения Ханты-Мансийского автономного округа. – М.: ЦСП, 2006. – 208 с.

Информация об авторе

Хилажеева Гульдар Фаритовна (Россия, Уфа) – кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник. Центр исследования социального развития и формирования человеческого капитала Института стратегических исследований Республики Башкортостан, Академия наук Республики Башкортостан (450008, Уфа, ул. Кирова, 15, e-mail: aguldar@yandex.ru).

DOI: 10.15372/REG20190208

Region: Economics & Sociology, 2019, No. 2 (102), p. 185–206

G.F. Khilazheva

MIGRATION EXCHANGE BETWEEN REGIONS OF DIFFERENT TYPES

(Case Study of Tyumen Oblast and the Republic of Bashkortostan)

The article examines the scope and nature of migration ties between different-type regions in Russia and their consequences for the socio-demographic potential of donor territories. The objects of the research are the Republic of Bashkortostan, constituent entity of the Russian Federation with a high share of working-age out-migrants, and Tyumen Oblast, oil and gas region with a steady inflow of the working-age population.

The article relies on statistical and sociological data to analyze the scope and structure of long-term and short-term migration from the Republic of Bashkortostan to Tyumen Oblast and other Russian regions. Outstanding features of the autonomous regions in Tyumen Oblast, which differ them from other Russian regions in close migration relationships with the republic, include a great share of gross migration with Bashkortostan, a major population inflow from the republic due to employment, and prevalence of people with primary vocational and secondary special education among Bashkortostan migrants. Migration ties between the Siberian regions and Bashkortostan exhibit relatively low performance, which is largely due to the circular nature of such migration. However, quantitatively equal in- and outflows of the population between the Republic of Bashkortostan and Tyumen Oblast differ in terms of quality: the republic donates a young, maritally and reproductively active generation and adopts older people, already accomplished their demographic plans. The existing migration exchange weakens the socio-demographic potential of Bashkortostan as a donor region. Moreover, the republic's socio-demographic potential is also affected by the short-term (on/off) migration of its population which, as a consequence, may alter intra-family relations, have a negative impact on migrants' health, etc.

The current migration exchange between regions under study showcases how inconsistent and ambiguous migration is as a social phenomenon, since

solving employment and wealth-related issues comes with risk and threats to the socio-demographic development of donor regions.

Keywords: regions; interregional migration; migration factors; migration gain; migration loss; employment; socio-demographic potential

For citation: *Khilazheva, G.F. (2019). Migratsionnyy obmen mezhdu regionami razlichnykh tipov (na primere Respubliki Bashkortostan i Tyumenskoy oblasti) [Migration exchange between regions of different types (case study of Tyumen oblast and the Republic of Bashkortostan)]. Region: ekonomika i sotsiologiya [Region: Economics and Sociology], 2 (102), 185–206. DOI: 10.15372/REG20190208.*

The publication is prepared within the framework of the research project No. 18-411-020028 supported by funding from the Russian Foundation for Basic Research

References

1. *Abylkalikov, S.I. & M.V. Vinnik. (2012). Ekonomicheskie teorii migratsii: rabo-chaya sila i rynek truda [Economic theories of migration: Labour force and labour market]. Biznes. Obshchestvo. Vlast [Business. Society. Authority], 12, 1–19.*
2. *Brednikova, O.; T. Baraulinova & O. Karpenko (Eds.). (2004). Transnatsionalizm i translokalnost (kommentarii k terminologii) [Transnationalism and translocality (commentary on terminology)]. Migratsiya i natsionalnoe gosudarstvo [Migration and the Nation-State]. Saint-Petersburg, Centre for Independent Social Research Publ., 133–146.*
3. *Vorobyeva, O.D., L.L. Rybakovsky & O.L. Rybakovsky. (2016). Migratsionnaya politika Rossii: istoriya i sovremennost [Migration Policy of Russia: History and Modernity]. Moscow, Ekon-Inform Publ, 192.*
4. *Ivakhnyuk, I.V. (2015). Razvitie migratsionnoy teorii v usloviyakh globalizatsii [The development of migration theory in terms of globalization]. Vek globalizatsii [Age of Globalization], 1, 35–46.*
5. *Iontsev, V.A. (1999). Mezhdunarodnaya migratsiya naseleniya: teoriya i istoriya izucheniya [International Migration of the Population: Theory and History of Studying]. Moscow, Dialog-MGU Publ., 370.*
6. *Karachurina, L.B. & N.V. Mkrtchyan. (2016). Mezhregionalnaya migratsiya v Rossii: vozrastnye osobennosti [Interregional migration in Russia: age characteristics]. Demograficheskoe obozrenie [Demographic Review], 3, 47–65.*
7. *Karachurina, L.B., N.V. Mkrtchyan, S.I. Abylkalikov & S.V. Zakharov (Ed.). (2017). Vnutrirossiyskaya migratsiya naseleniya [Internal Russian migration]. Naselenie Rossii 2015: Dvadsat tretyy ezhegodnyy demograficheskiy doklad [Population of Russia*

2015: 23rd Annual Demographic Report]. Moscow, Higher School of Economics Publ., 309–332.

8. *Krasnova, L.A. & A.P. Ked.* (2017). Migratsiya naseleniya v Tyumenskoy oblasti: prichiny i vliyanie na sotsialno-demograficheskiy sostav naseleniya [Migration of the population in the Tyumen region: causes and impact on the socio-demographic composition of the population]. *Naukovedenie: internet-zhurnal* [Naukovedenie Online Journal], Vol. 9, No. 4. Available at: <http://naukovedenie.ru/PDF/31EVN417.pdf> (date of access: 01.08.2018).

9. *Rybakovsky L.L. & V.V. Lokosov* (Eds.). (2014). *Migratsionnye protsessy v Rossii* [Migration Processes in Russia], Ch. 9. Moscow, Ekon-Inform Publ.

10. *Parfentseva, O.A., A.V. Topilin* (Ed.) & *O.D. Vorobyeva* (Ed.). (2012). *Migratsiya i rynek truda* [Migration and labor market]. *Migratsiya naseleniya: teoriya, politika* [Migration of the Population: Theory, Politics]. Moscow, Ekonomicheskoe Obrazovanie Publ., 113–203.

11. *Parfentseva, O.A., A.V. Topilin* (Ed.) & *O.D. Vorobyeva* (Ed.). (2012). *Prognozirovanie migratsii* [Migration forecasting]. *Migratsiya naseleniya: teoriya, politika* [Migration of the Population: Theory, Politics]. Moscow, Ekonomicheskoe Obrazovanie Publ., 311–331.

12. *Rybakovsky, L.L.* (Ed.) (2005). *Prakticheskaya demografiya* [Practical Demographics]. Moscow, STC Publ., 280.

13. *Ryazantsev, S.V., G.V. Osipov & L.L. Rybakovsky* (Eds.). (2009). *Regionalnyye osobennosti migratsionnykh protsessov v Rossii* [Regional features of migration processes in Russia]. *Demograficheskoe razvitie Rossii v XXI veke* [Demographic Development of Russia in the XXI century]. Moscow, Ekon-Inform Publ., 340.

14. *Uspenskaya, T.G.* (2006). *Migratsionnoe povedenie naseleniya Khanty-Mansiyskogo avtonomnogo okruga* [Migration Behavior of Population in the Khanty-Mansi Autonomous Okrug]. Moscow, STC Publ., 208.

Information about the author

Khilazheva, Guldar Faritovna (Ufa, Russia) – Candidate of Sciences (History), Leading Researcher at the Center for the Study of Social Development and Creation of Human Capital, Institute for Strategic Studies of the Republic of Bashkortostan, Academy of Sciences of the Republic of Bashkortostan (15, Kirov st., Ufa, 450008, Russia, e-mail: aguldar@yandex.ru).

Поступила в редколлегию 03.08.2018.

После доработки 13.11.2018.

Принята к публикации 05.03.2019.

© Хилажева Г.Ф., 2019